

И. А. Айзикова

Томский государственный университет

**Библейские мотивы и образы в
«Выбранных местах из переписки с друзьями»
Н.В. Гоголя***

Гоголь, несомненно, был писателем, изначально устремленным к религии, к христианству. Религиозность его с годами только укреплялась, главным же всегда оставался тот нравственный идеал, который писатель нашел для себя в Библии. Это проявилось и в итоговой книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», во многом построенной на центральной в христианстве идее страдания, его благотворности и спасительности для человека, идее, напрямую соотносимой с образом страдающего Спасителя.

С другой стороны, именно в «Выбранных местах...» Гоголь заостряет, как никогда ранее, проблему внутренних причин человеческих страданий, которые по своему значению перевешивают, в представлении автора, неблагоприятные объективные обстоятельства жизни, в связи с чем практически во всех статьях книги поднимаются вопросы о грехах людских, о смирении, о любви к ближнему, о вере в Бога и об искусстве как важнейших путях к спасению. Эти вопросы, прошедшие через все творчество Гоголя, здесь освещаются по-новому, актуализируя библейскую идею земной жизни человека как его духовного восхождения к Богу. Не останавливаясь на этом подробно в данной статье, обратим внимание на поэтическую особенность гоголевской книги. Тексты статей из «Выбранных мест...», пронизанные идеями Священного Писания, отличаются чрезвычайной насыщенностью библейскими цитатами, образами, мотивами¹.

В первую очередь это относится к характеристике эстетического дискурса книги. Весьма символично в этом плане, что одно из первых обращений писателя к библейскому тексту находим в статье «О том, что такое слово». Перекликаясь с выдержкой из толкования св. Иоанна Златоуста на 140-й псалом, содержащейся в гоголевском сборнике выписок из творений святых отцов и учителей Церкви (1843–1844), на что указывают И.А. Виноградов и В.А. Воропаев [Гоголь, 2001, с. 471], статья заканчивается двумя цитатами из Библии: «Слово гнило да не исходит из уст ваших», – из Послания св. апостола Павла к Ефесянам (гл. 4, ст. 29); и «Наложи дверь и замки на уста твои, растопи золото и серебро, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которое бы взвешивали твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста», – по предположению исследователей, это, воз-

¹* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 03-04-00251а).

Особую, очень интересную и важную проблему, которой мы, по существу, не касаемся в этой статье, составляет соотнесенность «Выбранных мест...» с трудами святых отцов и учителей Церкви.

можно, собственный перевод Гоголя цитаты из Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова (гл. 28, ст. 28-29).

Обе цитаты органично входят в авторские размышления о важнейшей для него и для его итоговой книги эстетической проблеме слова, осознаваемого Гоголем как «высший подарок Бога человеку», «которым определено говорить о прекрасном и возвышенном». И потому «беда, – пишет автор, – произносить его (слово – *И.А.*) писателю в те поры <...>, когда не пришла еще в стройность его собственная душа», «беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 196, 197]. Слову поэта Гоголь придает особый вес и предъявляет к нему повышенные требования, первым из которых является гармония содержания и формы, точность и того, и другого, зрелость, отточенность и заключенной в слове сути, и ее выражения. Но самое главное, по Гоголю, – слово поэта должно произноситься с верой в Бога. Иначе самая чистая идея может быть искажена до неузнаваемости, вызывая отвращение. Причем, чем истина выше, считает Гоголь, тем легче ей стать «общим местом, а общим местам уже не верят» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 196].

Об этом же одновременно с Гоголем много думает и пишет Жуковский. В его статьях «Две сцены из «Фауста», «О меланхолии в жизни и в поэзии», «О поэте и современном его значении» и др. постоянно звучит мысль о том, что «художество» – это «пересоздание своими средствами создания Божия», что «как творения» состоит «в осуществлении идеи Творца», что «слова поэта суть уже его дела» [Жуковский, 1902, т. X, с. 83, 81]. В статье «О меланхолии...» Жуковский прямо ставит проблему безверия поэта. Зная христианство, но не веруя в Христа, являясь «христианином только по эпохе, в которую живет» [Жуковский, 1902, т. X, с. 103], такой поэт, считает Жуковский, способен погубить своим словом и себя, и окружающих. Самым сильным его оружием является именно меланхолия, которая усиливает его негодование в отношении к несовершенному миру и презрение к несовершенному человеку. Статья «О поэте и современном его значении» заканчивается такой программной автореминисценцией стихов эпилога из драматического отрывка «Камознс», переведенного Жуковским в 1839 году:

Мы не затем ли здесь, чтобы средь тяжких
Скорбей, гонений, видя торжество
Порока, силу зла и слыша хохот
Бесстыдного разврата иль насмешку
Безверия, из этой бездны вынести
В душе неоскверненной веру в Бога?..
Поэзия религия небесной
Сестра земная, светлоручезарный
Маяк, самим Создателем зажженный,
Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились
С пути...

[Жуковский, 1902, т. X, с. 88].

С обращением к проблеме слова связано и цитирование Гоголем, в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским», из речи Стефана о принятии Иисусом на горе Синае «живых слов» Божиих (Деян. 7, 38). И здесь Гоголь утверждает прямую зависимость «прозирающего, углубленного взгляда» писателя на жизнь от глубины его христианской веры. С точки зрения автора статьи, значение перевода «Одиссеи», выполненного Жуковским,

заключается именно в том, что он, основываясь на христианском сознании, суть которого в видении (точнее, в провидении, в «прозирании») цельности бытия, несет в себе «слово живо» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 203]. Характерно, что и сам Жуковский, размышляя о поэтическом творчестве, утверждает, что суть его заключается в следующем: «Все мелкие, разрозненные части видимого мира сливаются в одно гармоническое целое, в один, сам по себе несущественный, но ясно душою нашей видимый образ. Что же этот несущественный образ? Красота. Что же красота? Ощущение и слышание душою Бога в создании» [Жуковский, 1902, т. X, с. 83].

В опоре на библейское слово пишется одна из программных эстетических статей «Выбранных мест...» – «О лиризме наших поэтов». Ставя, в связи с размышлениями о божественной природе лиризма русской литературы, вопрос о поэте-пророке, о его богоизбранности, Гоголь напоминает читателю притчу из Третьей книги Царств о четырехстах пророках, к которым обратился царь Израильский с вопросом: идти ли ему войной на Рамоф Галаадский. Все пророки предсказали победу, и только один – Михей – увидел больше и не побоялся сказать царю правду о том, что за победой последует поражение и смерть. Воплощая свое понимание настоящего поэта в образе ветхозаветного пророка Михея, Гоголь подчеркивает важнейшие идеи своей концепции русского поэта и поэзии. Среди них – идея «невольного прикосновения мысли» русского поэта «к верховному промыслу», которое позволяет ему «сильнее других слышать Божью руку на всем», провидеть целое: и «сокровенный ужас тех событий, которым повелел Бог совершиться на земле», и «прекрасное новое здание, которое покамест не для всех видимо зиждется» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 217, 216].

Темой провидения поэтом сути явлений и человека статья и заканчивается. Анализируя стихотворение Пушкина «Пир на Неве», Гоголь с восторгом пишет о великом русском поэте именно в связи с его способностью проникать вглубь жизни, постигать ее в полном объеме. И здесь он вновь вспоминает библейскую притчу – о «небесном пиршестве», притчу Спасителя, переданную евангелистом Лукой (Лк. 15, см. ст. 7, 10, 23-24). Таким образом Гоголь, по сути, проводит параллель между божественной мудростью, радующейся «об одном грешнике кающемся» больше, чем о 99-ти праведниках, и мудростью автора «Пира на Неве», сделавшего нервом своего стихотворения «красоту» поступка Петра I, умевшего «не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощение, как победу над врагом. Это истинно божеская черта. <...> Пушкин был знаток и оценщик верный всего великого в человеке», – заключает Гоголь [Гоголь, 1984, т. 7, с. 227].

В статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» Гоголь будет защищать Пушкина от цензуры, которая именно в силу своей односторонности, являющейся прямой противоположностью христианскому взгляду на мир, объявила его деистом, нехристианином и даже противником Христа. Используя парафраз слов св. апостола Павла из Послания к Евреям, Гоголь назовет это «непризнание Бога в том виде, в каком повелел признавать его сам Божий сын», «страшным делом» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 242]¹.

На притче Спасителя о талантах (Мф. 25, 14-30) строится Гоголем образ Карамзина в статье, посвященной этому, по выражению автора, «явле-

¹ Ср. со словами апостола: «Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия. <...> Страшно впасть в руки Бога живого!» (гл. 10, ст. 28-31).

нию необыкновенному» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 232]. С точки зрения Гоголя, Карамзин – образец писателя, и в первую очередь, он заслуживает этого названия потому, что «весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 232]. Помня о значении для Гоголя идеи высокой миссии поэта и его ответственности за свою избранность, за свое высокое предназначение, можно понять, сколь высока оценка, даваемая Карамзину в рассматриваемой статье.

В статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», во многом перекликающейся со статьей Жуковского «О поэте и современном его значении», Гоголь, в связи с общей концепцией современного поэта, поэта и времени, вспоминает известнейший эпизод из Книги пророка Даниила о пире Валтасара (гл. 5). Обращаясь (в лице Н.М. Языкова) ко всем русским поэтам, своим современникам, Гоголь разъясняет суть поэзии, необходимой России особенно в кризисные 1840-е годы всеобщего разобщения, страшной путаницы в сфере истинных и ложных ценностей: «Нынешнее время есть именно поприще для лирического поэта. Сатирой ничего не возьмешь; простой картиной действительности <...> никого не разбудишь. <...> Нужно, чтобы твои стихи стали так в глазах всех, как начертанные на воздухе буквы, явившиеся на пиру Валтасара, от которых все пришло в ужас еще прежде, чем могло проникнуть самый их смысл» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 245].

Здесь передан комплекс эстетических идей Гоголя, взятых во всей их глубине и системности. Это и его убеждение в идее нравственного развития человека как главной задачи искусства, и мысль о созидательной роли искусства в жизни общества. И главное – здесь с помощью библейской символики и мифологии передается понимание искусства как Божественного откровения, откуда вытекала гоголевская концепция Слова, выражающего трансцендентное, сущностное и в силу этого исцеляющее душу. Для сравнения приведем фрагмент из указанной выше статьи Жуковского: «Цель художественного произведения достигнута: ты был поражен, приведен в ужас, смеялся, плакал, словом, ты наслаждался красотой создания поэтического; но в то же время душа твоя проникнута довольством другого рода: она вполне спокойна, как будто более утвержденная в том, что все ее лучшее верно» [Жуковский, 1902, т. X, с. 86].

Своими идеями и общим пафосом статья «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» перекликается со статьей «Исторический живописец Иванов», которая, как известно, построена на толковании Гоголем ивановской интерпретации евангельского сюжета «первого появления Христа народу» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 299]. Естественно, статья Гоголя наполняется евангельскими цитатами, мотивами, образами, контаминациями евангельских слов. Сюжет о явлении Христа на Иордане, пришедшем туда принять крещение от Иоанна Крестителя, наиболее подробно описанный в Евангелии от Иоанна (гл. 1), представляется Гоголю «труднейшим для исполнения» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 299]. Трудность же эта заключается в изображении самого таинственного, что может произойти с человеком, – «обращения человека ко Христу» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 299]. Как справедливо указывает Ф.З. Канунова, здесь в полный рост встает главный для Гоголя вопрос – о соотношении художественного и религиозного сознания [Канунова, Айзикова. 2001, с. 32]. Обе евангельские цитаты – обращенные к народу слова Иоанна Предтечи, указывающего на идущего ему навстречу Христа: «Се Агнец, вземляй грехи мира!» (ст. 29), и контаминация слов апостола Нафанаила: «От Назарета пророк не приходит» (ст. 46), знамена-

тельно перекликающихся со словами фарисеев «пророк от Галилеи не приходит» (Ин. 7, 52)¹, – призваны высветить, собрав все в одном фокусе, именно эту проблему. По мнению Гоголя, Иванову удалось не только самому уловить метафизически-универсальный смысл евангельского сюжета о рождении в человеке веры, но и передать это так, чтобы озарение было пережито и воспринимающими художественное полотно.

Важнейшее место в книге Гоголя заняли его рассуждения о собственном сочинении, работе над которым он придавал такое значение, и которое не принесло, с точки зрения самого писателя, ожидаемых результатов, – о «Мертвых душах». Статья «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» пронизана библейским контекстом. Уже первое письмо, утверждающее, что «эпиграммы и насмешки» критики над поэмой были нужны ее автору, хотя и пришлось ему, разумеется, «не по сердцу», перекликается с евангельским повествованием об изгнании Спасителем легиона бесов из одержимого (Мк. 5, 12-13). «На дне души нашей, – пишет Гоголь, – столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 253-254]. Эта тема, продолжена и во втором письме, а в третьем мотив изгнания «мерзостей» звучит в полный голос: «...я не люблю моих мерзостей. <...> Я воюю с ними <...> и изгоню их, и мне в этом поможет Бог» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 264]. Библейские ассоциации позволяют увидеть здесь важнейший для Гоголя смысл: разделяемую многими его современниками идею жизнотворчества, осуществляемого с Божьей помощью, мысль об универсальном духовном преобразовании, которое дает творчество и писателю, и читателю.

Последнее письмо, в котором Гоголь объясняет причины сожжения второго тома «Мертвых душ», открывается словами св. апостола Павла из Первого Послания к Коринфянам (гл. 15, ст. 36): «Затем сожжен второй том “Мертвых душ”, что так было нужно. “Не оживет, аще не умрет”, – говорит апостол» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 265]. Слова апостола Павла, сказанные в связи с объяснением сути смерти Христа, принятой им «за грехи наши», и последовавшего за этим воскресения, у Гоголя наполняются эстетическим смыслом. Выше уже говорилось о том, какую высокую, по мнению Гоголя, степень ответственности за свое слово должен нести писатель, не имеющий право на «небрежность» и «беспорядок». Именно сожжение рукописи второго тома, как утверждает Гоголь, открыло ему, сколь несовершенным был труд пяти лет его жизни. Тем самым и он, и читатели были спасены от «вреда», который мог быть нанесен сочинением, где отсутствует «порядок» и «стройность». Только пройдя через это сожжение, Гоголь чувствует, что дух его окреп и стал тверже. Статья заканчивается словами веры в то, что «если придет урочное время, в несколько недель совершится то, над чем провел пять болезненных лет» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 267]. Эта идея творчества как божественного откровения, проходящая через многие статьи «Выбранных мест...», завершает эстетический самоанализ Гоголя по поводу «Мертвых душ».

Итоги раздумьям Гоголя о судьбах русской литературы, об общих эстетических проблемах подводила статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Многими исследователями в качестве главной проблемы этой статьи называлась главная проблема всего творчества Гоголя – это вопрос о «внутреннем человеке». Данное выраже-

¹ Напомним, что уже ст. 49 включает в себе обращение Нафанаила к Иисусу «Равви! Ты сын Божий».

ние, определявшее суть отечественной словесности и ее развития, как это понимал Гоголь, и Жуковский, и многие их современники, и как это понимает современное литературоведение, восходит, что общеизвестно, к словам св. апостола Павла из Второго послания к Коринфянам¹. Собственно, утверждая кровное родство искусства и религии, Гоголь во всех своих произведениях сосредотачивал основное внимание на душе человека, на проблемах его духовности, которая и является неоспоримым доказательством божественного происхождения человека, со всеми вытекающими отсюда вопросами о сложности и противоречивости личности, о ее врожденной свободе нравственного выбора, о врожденной же устремленности человека к совершенству. Именно здесь следует искать основные точки сближения творчества двух великих русских писателей первой половины XIX в. – Жуковского, родоначальника романтизма в России, и Гоголя, стоявшего у истоков реалистического метода в отечественной словесности.

Статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» наполнена и другими библейскими образами – это пророки Давид и Исайя, образы из Книги Песни Песней Соломона (гл. 4, ст. 2). Очень характерно, что и «существо русской поэзии», главный предмет в рассматриваемой статье, Гоголь выражает с помощью контаминации библейского выражения, проходящего через ряд священных книг: «...и вся Россия – один человек. Все эти свойства, обнаруженные нашими поэтами, есть наши народные свойства, в них только видней развившиеся» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 380]².

Активно используются библейские образы и мотивы и в статьях религиозно-философского, социально-политического, нравственно-этического содержания. Как уже было сказано нами выше, одной из циклообразующих идей «Выбранных мест...» является мысль о страдании. В книге Гоголя создан буквально культ страдания. Программой в этом плане можно считать статью «Значение болезней», которая открывается реминисценцией слов Иисуса Христа, переданных евангелистом Матфеем: «...дух бодр, плоть же немощна» (гл. 26, ст. 41). «Силы мои слабеют, но не дух», – пишет Гоголь, стремясь, как всегда заглянуть в свою душу, которая «ничего уже не издает <...>, кроме одних слез и благодарения» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 194].

Центральное место в статье занимает идея совершенствования человека, которое, по мысли автора, невозможно без страданий: «О! как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, скажу вам только одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде... <...> ...ныне, в мои свежие минуты, которая дает мне милость небесная и среди самих страданий, иногда приходят ко мне мысли, несравненно лучшие прежних, и я вижу сам, что теперь все, что ни выйдет из-под пера моего, будет значительнее прежнего. Не будь тяжких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя!» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 194].

Интересно, что Жуковский, лучший друг и наставник Гоголя, еще в 1818 г. писал в своем дневнике следующее: «Я болен. В промежутках более высоких мыслей, нежели когда-нибудь... <...> ...болезнь есть состояние поучительное... <...> ...болезнь знакомит с религиею не страхом смерти, но величием жизни: страдание составляет настоящее величие жизни. Это лест-

¹ «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (гл. 4, ст. 16).

² Ср.: «И вышли все сыны Израилевы, и собралось все общество, как один человек» (Суд. 20, 1-2. См. также: 1 Цар. 11, 7; 2 Цар. 19, 14; 2 пар. 30, 12; 1 Езд. 1, 9; Неем. 8, 1).

нища. Наше дело: взойти, что испытание, то ступень вверх» [Жуковский, 1903, с. 63-64]. Позднее у Жуковского сложится целостная глубокая философия страдания и скорби. Главное место в ней займет идея жизнестроения, которая, как и у Гоголя, тесно переплетается с символическим образом-идеей лестницы, играющим, как известно, важнейшую роль в христианском учении¹.

В связи с пафосом вечного совершенствования человека как смысла его жизни одной из кульминационных точек «Выбранных мест...» становится статья с очень показательным названием «Христианин идет вперед». Развивая мысль о христианине, вечном ученике, для которого не может быть «оконченного курса», Гоголь заканчивает статью напоминанием о царе Соломоне, оставшемся в свои последние дни «впотьмах»: «...если только возмнит он (христианин – *И.А.*) хотя на миг, что ученье его кончено, и он уже не ученик, и оскорбится он чьим бы то ни было уроком или поученьем, мудрость вдруг от него отнимется, и останется он впотьмах, как царь Соломон в свои последние дни» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 232]. Гоголь, придававший такое значение учительной функции литературы, с особым трепетом относится к идее совета. Она перекликается в его сознании с библейским понятием завета, так что не случайно здесь автору на память приходит образ царя Соломона, который уже в старости был обращен к поклонению идолам, и слова которого, произнесенные после покаяния, находим в книге Екклесиаста: «Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы» (гл. 4, ст. 13). Не случайно, думается, и то, что композиционным центром своей книги Гоголь делает именно статью «Советы», помещая ее в очень показательном контексте статей «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» и «Просвещение».

Опорные точки обеих статей – цитаты из Библии. Поскольку о первой из них шла речь выше, обратимся ко второй. Ее смысловой центр формируется вокруг слов «Веруй, и да не смущается твое сердце», что является парафразой слов Спасителя, переданных евангелистом Иоанном Богословом: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте» (гл. 14, ст. 1). Данная статья, как известно, первоначально создавалась как письмо Жуковскому, для которого, как и для Гоголя, эти слова Христа имели личный, принципиальный смысл. Этими словами поддерживает Гоголь Жуковского и в его духовных исканиях, и в его новых писательских замыслах, означавших во многом новый поворот творчества. Не случайно Гоголь дважды повторяет свой парафраз: «Брат, благодарю за все! <...> Веруй, и да не смущается твое сердце!» и ниже: «...не меньше добра, если еще не больше (по сравнению с «Одиссеей» – *И.А.*) принесут те труды, на которые навел тебя сам Бог и которые ты держишь покуда разумно под спудом. В них окажется также потребность общая. Не смущайся же и твердо гляди вперед!» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 250]. Гоголь говорит здесь о задуманном Жуковским томе «святой прозы», работе над которым оба придавали большое значение.

Интересно, что приведенные выше слова Иисуса Христа из его прощальной беседы с учениками Жуковский написал на обороте записной книжки, которую он подарил Гоголю 8 (20) окт. 1846 г. во Франкфурте. Это высказывание буквально не давало покоя первому русскому романтику на протяжении нескольких лет. Впервые появившись в одной из его записных

¹ Об образе лестницы в творчестве Гоголя, все теснее связываемом с наставлением игумена синайского монастыря Иоанна Лествичника «Лествица, возводящая к небесам», см., напр.: [Воропаев, 2003, с. 163-165].

книжек (1844–1845 г.), оно вошло в статью «Вера», которая должна была быть введена в упоминавшийся выше том «святой прозы», в состав раздела «Христианская философия». Словами Спасителя: «Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте», – Жуковский открывает центральный фрагмент названной статьи. Практически не учитывая их богословское толкование¹, Жуковский наполняет этот фрагмент столь характерной для его поздней прозы исповедальностью и связанной с этим «поэзией мысли». Утверждение «В этом слове (имеются в виду рассматриваемые нами слова Спасителя – *И.А.*) все возможные утешения, данные наперед человеку на все беды житейские» органично переходит в размышление философско-психолого-этического плана: «Но как приобрести веру? Умом я убежден, что вера есть венец души человеческой, ее прямой путь к Богу; вера – мать любви; любовь – возможное совершенство души человеческой. Но как дать себе эту веру? Как дойти до того, чтобы она была все, во всем и всегда?». Эта серия отнюдь не риторических для Жуковского вопросов переходит в художественный дискурс, призванный изобразить внутреннее состояние автора, философствующего о вере и путях к ней: «Если сердце сухо, как русло ручья иссякшего, если оно холодно, как железо, и нечувствительно, как камень – кто оживит его для веры? Наша воля не имеет этого всемогущества. Вера есть ей неподвластное событие во внутренности души нашей» [Жуковский, 1902, т. XI, с. 5]².

Стих 1-й из главы 14-й Евангелия от Иоанна Жуковский вводит и в статью «О внутренней христианской жизни» (1846)³. Здесь призыв Иисуса Христа: «Да не смущается сердце ваше...», – напоминает читателю как резюме авторских рассуждений об одном из самых трудных разделов религиозной философии – о теодицее. Рассуждая о таком страдании, цель которого непонятна человеку, Жуковский словами Спасителя утверждает, что существование в мире зла не может быть доказательством его безбожия. Именно в страдании, смысл которого скрыт для человека, он должен опереться на Бога, укрепившись в своей вере.

Возвращаясь к статье Гоголя «Просвещение», укажем на ее второй смысловой центр, который определяется обращением автора к евангельскому повествованию о посещении Спасителем дома Марфы и Марии (Лк. 10, 38–42). Воспользовавшись сравнением Западной Церкви с Марфой и Восточной – с Марией, сделанным Иоанном Яхонтовым в статье «О православии Российской Церкви», Гоголь включается здесь в эпохальный, можно сказать, спор, в котором приняли участие все его великие современники (Чаадаев, Хомяков, Жуковский, А.И. Тургенев и др.). Не вдаваясь в подробности этой сложной проблемы, отметим лишь, что Гоголь, тяжело переживая в целом раскол Церкви, все же полагал, что именно ее «восточная половина», «подобно скромной Марии, отложивши все попеченья о земном», помещается «у ног самого Господа, затем, чтобы лучше послушаться слов Его, прежде чем применять и передавать их людям» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 251]. Этой «приближенностью» к Господу Гоголь и объясняет свойствен-

¹ В Библии, как известно, речь идет о смущении апостолов крайне кратким разговором Господа с Петром. Кроме того, всем апостолам оказались неясны слова Христа о какой-то ожидающей их борьбе. Видя это смущение, Иисус Христос призывает апостолов верить, несмотря на все то, что смущает их в данный момент. См.: [Толковая библия, 1987, т. 3, с. 446].

² Об этом же Жуковский писал Гоголю в письме от 20 января (1 февраля) 1850 г.: «“Да не смущается сердце твое!” Так думается всегда, но не так чувствуется в некоторые минуты, которые своею тревогою сокрушают душу» [Жуковский, 1902, т. XII, с. 115].

³ См. об этой статье подробнее: [Айзикова, 2004, с. 360–366].

ный православиию «полный и всесторонний взгляд на жизнь», который писатель так высоко ценил в религиозном сознании¹.

Проходящая через многие статьи Гоголя идея совершенствования личности, ее восхождения к Богу всегда тесно связывается с мыслью о невозможности духовного роста человека без смирения гордыни, которая почитается одним из тягчайших грехов, особенно свойственных человеку, наделенному талантами. Показательно, что статья «Чей удел на земле выше», специально посвященная этому², во-первых, проникнута, как указывают исследователи, «духом» 83-го псалма св. пророка Давида [Гоголь, 2001, с. 505], и, во-вторых, построена на толковании слов Христа «В доме Отца Моего обителей много», переданных евангелистом Иоанном Богословом (гл. 14, ст. 2).

И здесь Гоголю вторит Жуковский. «Прежде, когда я был поглупее, я предпочитал одно звание другому <...>, – пишет Гоголь. – Конечно, сам Христос сказал <...>: “В дому Отца Моего обители мнози суть”; но как подумаю об этих обителях, как подумаю о том, что должны быть у Бога обители, не могу удержаться от слез и знаю, что никак бы не решил, какую из них выбрать себе <...>. Знаю только, что сказал бы: “Последнюю, Господи, но лишь бы она была в дому Твоем!”» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 338]. Жуковский во многих своих поздних письмах признается в том, что работает не для славы, а для себя, для своего внутреннего усовершенствования, без чего писатель не мыслил восхождения к Богу. Так, в письме к А.С. Стурдзе от 10 марта 1849 г. он пишет в связи со своей работой над переводом «Одиссеи», что он «не имел в виду похвастать перед публикою». «Мне просто хотелось пожить поэтическим счастьем, пожить наслаждением творчества: оно так и было, эта главная цель достигнута» [Жуковский, 1960, т. 4, с. 663]. О «внутренней работе» как главной цели своего труда над «святой прозой» Жуковский постоянно пишет П.А. Плетневу³.

Представление о христианской вере у Гоголя тесно связано не только с мыслью о необходимости борьбы с гордыней, но и с идеей любви человека к Богу и к ближнему своему. На этом строится статья «Нужно любить Россию», которая занимает очень важное место в книге Гоголя и которая заканчивается строками, восходящими к словам св. апостола Иоанна Богослова из Первого Соборного послания (гл. 4, ст. 20). По сути, здесь впервые в «Выбранных местах...» специально ставится проблема, определявшая важнейшую тему и пафос всего творчества Гоголя и многих его современников, в первую очередь славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского), – это проблема соборности, изначальной цельности человека и Бога, познать которую и позволяет любовь к ближнему. «...как полюбить Того, Которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у него эту любовь? <...> Трудно полюбить Того, Кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к Богу самому», – пишет Гоголь,

¹ Подробнее см. в комментарии к статье в кн.: [Гоголь, 2001, с. 490-491].

² Не случайно Гоголь вновь упоминает здесь притчу Христа о талантах: «Все получают равное воздаяние – как тот, которому вверен был один талант и он принес на него другой, как и тот, которому было дано пять талантов и который принес на них другие пять». Пересказав притчу, автор статьи дает к ней и свой комментарий: «Даже, я думаю, участь первого еще лучше, именно оттого, что не пользовался на земле известностью и не вкушал очаровательного напитка земной славы подобно последнему» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 338].

³ См. письма от декабря 1850 г. – апреля 1851 г. в кн.: [Сочинения и переписка П.А. Плетнева, 1885, т. 3].

видевший главную причину падения России, ее разрушения именно в том, что «бледны» стали «христианские стремленья» русского человека. «И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день (в день пасхи – *И.А.*) своего брата, как брата – он его не обнимет. Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет», – с болью восклицает автор в заключающей «Выбранные места...» статье «Светлое воскресенье» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 385].

Идея любви и миротворства в библейском ее смысле переходит и в другие статьи общественно-политического содержания «Нужно проездиться по России», «Что такое губернаторша», «Занимающему важное место», «Русский помещик». Первая во многом опирается на слово Спасителя «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9), вторая на слова св. апостола Павла из Второго послания к Коринфянам «...вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» (гл. 2, ст. 7), третья – во многом строится на реминисценции 74-го псалма: «Говорю безумствующим: “не безумствуйте”, и нечестивым: “не поднимайте рога, не поднимайте высоко рога вашего, не говорите жестоковъйно”» (ст. 5-6).

Последняя из названных статей, проводящая мысль о Евангелии как такой книге, где можно найти ответы на все, казалось бы, самые далекие от религии, вопросы, буквально пронизана библейским словом. Это и слова св. апостола Павла из Послания к Римлянам «...ибо нет власти не от Бога» (13, 1), и библейское выражение, ставшее крылатым – «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Бытие, гл. 13, ст. 19). Наконец, это слова Христа о необходимости поиска всеми Царства Божия и правды Его (Мф. 6, 33; Лк. 12, 31), «прочее все приползет само собою», уверен Гоголь [Гоголь, 1984, т. 7, с. 292].

Здесь интересны, по крайней мере, два момента: проблема поисков Царства Божия ставится Гоголем в статье общественно-политического содержания, сами же поиски Царства Божия Гоголь неизменно связывает с «внутренней устроенностью человека»¹. К такому пониманию проблем общественных, личных, религиозных как единого целого был очень близок и Жуковский. Свое понимание Царства Божия поэт-романтик раскрывает наиболее полно в позднем биографическом очерке «Иосиф Радовиц» (1850). Портрет Радовица Жуковский во многом создает на той же цитате из Евангелия от Матфея, что встречаем в статье Гоголя «Русский помещик». Как и у Гоголя, евангельские слова служат своего рода резюме в описании Жуковским нравственно-этических поисков, которыми была занята вся жизнь Радовица и которые нашли в нем свое прочное подкрепление только после прихода к истинной вере. «...ищите прежде Царствия Божия и правды Его и все остальное приложится вам»; это правило проникло все его (Радовица – *И.А.*) мысли и все его действия», – пишет Жуковский [Жуковский, 1902, т. XI, с. 56].

К этим же идеям «правды Божией» и Царствия Божия Жуковский обращается в статье общественно-политического плана «Русская и английская политика» (1850). Противопоставляя материальному благополучию общества как цели внутренней политики европейских государств достиже-

¹ И.А. Виноградов и В.А. Воропаев приводят воспоминание Е.А. Хитрово из дневника, в котором рассказывается, как Гоголь в январе 1851 г. в Одессе читал у Репниных проповедь митрополита Московского Филарета на стих «Ищите Царствия Божия...». При этом Гоголь говорил: «Когда внутренне устроен человек, то у него все ладится. А внутренне чтоб устроенным быть, надобно искать Царствия Божия, и все прочее приложится вам» (см.: [Гоголь, 2001, с. 497]).

ние всеобщего нравственного благоденствия, Жуковский пишет: «...истинное благоденствие народов не в распространении границ, не в материальном нагромождении богатства, а в богатстве нравственным, <...> т.е. в сохранении правды Божией. Теперь настало время переменить основные правила политики и опереть ее не на языческих понятиях метафизического государства, а на христианских понятиях Царства Божия, в котором нет врагов, а есть один союз народов для общего благоденствия. <...> Настала пора воздвигнуть знамя любви христианской и соединиться под ним в одну рать для охранения общего благоденствия» [Жуковский, 1902, т. XI, с. 45]. Для этого необходимо только одно, считает Жуковский: «догадаться, что существующий Бог есть Бог живой, а не пантеистический призрак».

Тема эта была продолжена обоими писателями, обратившимися почти одновременно к одному библейскому сюжету – о египетской тьме – из Книги Премудрости Соломона (гл. 17). У Гоголя этот сюжет используется в статье «Страхи и ужасы России». Жуковский, как известно, начал в 1845 г. стихотворный перевод этой главы, назвав его «Египетская тьма». Велико значение этих сочинений для русского общества 1840-х г., когда, по словам проф. И.М. Андреева, «в незримых глубинах исторической жизни решалась судьба России и русской православной культуры», когда наиболее остро был поставлен самой действительностью вопрос о том, не начался ли «предапокалиптический период мировой истории» [Андреев, 1968, с. 136].

Именно в 1840-е г. в центре внимания и Гоголя, и Жуковского оказывается проблема всего их творчества, приобретающая особую актуальность для России в связи с происходящими и приближающимися революционными событиями в Европе, – это проблема спасения души в надвигающейся эсхатологической, как ее понимали оба писателя, ситуации «тьмы». Христианская идея спасения через примирение с Богом звучит в это время у Гоголя и Жуковского с особой силой, определяя их размышления и об отдельной личности, и об истории общества. Оценка современной эпохи приобретает у них во многом религиозную окраску.

Общественную атмосферу в России 1840-х г. Гоголь передает в статье с красноречивым названием «Страхи и ужасы России», пересказом напоминающей Апокалипсис ветхозаветной легенды о египетской тьме, наступившей по воле Господа, пожелавшего наказать за упорство фараона, который не хотел отпустить израильтян из египетского плена: «Слепая ночь обняла их вдруг среди бела дня; со всех сторон уставились на них ужасающие образы; дряхлые страшилища с печальными лицами стали неотразимо в глазах их; без железных цепей сковала их всех боязнь и лишила всего, все чувства, все побуждения, все силы в них погибли, кроме одного страха. И произошло это только в тех, которых наказал Господь. Другие в то же время не видали никаких ужасов; для них был день и свет» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 315].

Жуковский дает еще более мрачную картину, что отметили уже современники. Так, 18 авг. 1852 г. П.И. Бартенев передал М.П. Погодину вместе со своим письмом выписку из письма к нему гр. А.Д. Блудовой, где она пишет о своем восприятии «Египетской тьмы», которая ей запомнилась именно «мрачной фантазией картины» [В.А. Жуковский в воспоминаниях, 1999, с. 485]. Не жалея красок, Жуковский подробно пересказывает легенду о египетской тьме, которую в самом начале напрямую связывает с идеей Страшного суда:

Велик, неизглаголанно велик

Твой суд, Господь!
[Жуковский, 1902, т IV, с. 71].

Жуковский изображает тьму, нависшую над Египтом, как «ночь, из адовых исшедшую вертепов», как «прообразитель той великой ночи, которой нет конца» [Жуковский, 1902, т. IV, с. 71, 72]. Лейтмотивными в произведении оказываются слова *тьма, ночь, мрачный, темный, мгла, опутанный, связанный*. Ведущими здесь стали мотивы *страха, ужаса, бессилия, болезни, вины, безумия* и сопровождающие их образы *мрачной пелены, привидений, огня и звезд, не дающих света, змеиного свиста, адовых вертепов, темницы, узника, цепи*. Все эти идеи, мотивы, образы впоследствии перейдут в переложение Апокалипсиса, которое Жуковский делал как часть своей итоговой поэмы «Странствующий жид», где в первую очередь ставились вопросы грехопадения, раскаяния, искупления греха страданиями и спасения души, ее возвращения к Богу. Такая же тьма, как в переложении 17-й гл. из Книги Премудрости Соломоновой, ляжет на Иерусалим и на душу Агасфера, от чего герой мог избавиться, как справедливо пишет св. Д. Долгушин в своей работе «Пасхальная тема в поэзии В.А. Жуковского: поэма «Странствующий жид», «только внутренней переменной своей души» [св. Долгушин, 2000, с. 11].

Как отмечают все исследователи, глава «Светлое Воскресенье», написанная Гоголем специально для завершения «Выбранных мест...» как целого текста, не случайно посвящена именно пасхальной теме. Один из ее аспектов напрямую связывается автором статьи с толкованием притчи Спасителя о богаче и нищем Лазаре, которое указывает истинный путь к спасению. Говоря о своих соотечественниках, Гоголь видит «страшное препятствие» их спасения в гордыне и себялюбии. Этот грех настолько закрепился в человеке, что не мешает ему, пишет Гоголь, «без стыда и не дрогнув душой» говорить: «Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 386]. За этим, считает автор «Выбранных мест...», стоит забвение человеком Бога, противостояние Ему: «...все позабыто человеком девятнадцатого века. И отталкивает он от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего. Ему нет дела до страданий его; ему бы только не видать гноя ран его. Он даже не хочет услышать исповеди его, боясь, чтобы не поразилось обонянье его смрадным дыханьем уст несчастного, гордый благоуханьем чистоты своей. Такому человеку воспринять праздник небесной Любви?» [Гоголь, 1984, т. 7, с. 387].

Развивая таким образом пасхальную тему, Гоголь и здесь сближается с Жуковским, который, как и он, в русле святоотеческой традиции, ставит те же проблемы и предлагает те же решения в своей «лебединой песне» – поэме об Агасфере, одной из кульминационных точек которой является, по указанию св. Д. Долгушина [св. Долгушин, 2000, с. 5], «поэтическое переложение знаменитого «гимна любви» из Первого послания апостола Павла к коринфянам:

... любовь,
Которая не ищет своего,
Не превозносится, не мыслит зла,
Не знает зависти, не веселится
Неправдою, не мстит, не осуждает;
Но милосердствует, но веру емлет
Всему, смиряется и долго терпит

[Жуковский, 1902, т. VIII, с. 112].

В любви к ближнему своему Гоголь, как и Жуковский, видит возможность противостояния пути «беззакония», «действию заблуждения», о котором говорится во Втором послании св. апостола Павла к Фессалоникийцам (гл. 2) и на который, как прозорливо замечают русские классики, вступает современное европейское сообщество, забыв Священное Писание.

Таким образом, дух Библии пронизывает всю книгу Гоголя, которая зовет читателя в сферы духовного мира человека, в сферы вечных истин и ценностей без отрыва от реальности, от проблем современной истории, современного общества, искусства. Все это создавало новое качество сочинений Гоголя, определявшее многие перспективы русской литературы в целом.

Литература

- Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
- Андреев И.М. Очерки по истории русской литературы XIX века. Сб. 1. Джорданвилл, 1968.
- В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
- Воропаев В.А. Гоголь как духовный писатель // Гоголевский сборник. СПб. – Самара, 2003.
- Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1984.
- Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 2001.
- Жуковский В.А. Полн. собр. соч: В 12 т. СПб., 1902.
- Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960.
- Жуковский В.А. Дневники. СПб., 1903.
- Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг). Новосибирск, 2001.
- Д. Долгушин. Пасхальная тема в поэзии В.А. Жуковского: поэма «Странствующий жид». Новосибирск, 2000.
- Сочинения и переписка П.А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3.
- Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Изд. преемников А.П. Лопухина. Птб., 1904–1913. 2-е репринтное изд. Стокгольм, 1987. Т. 3. Птб., 1911–1913.